

ГЕНЕЗИС ХРИСТИАНСКИХ И СТОИЧЕСКИХ ДОКТРИН КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАЙМОВЛИЯНИЯ

O. V. Парилов^{1,2}

¹Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена исследованию взаимосвязи и взаимного влияния теологических, антропологических, этических воззрений римского стоицизма и христианства. Цель данной работы – провести компаративный анализ позднестоической и христианской теологии, антропологии, этики и продемонстрировать их взаимосвязь и актуальность в современную эпоху.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили труды Платона и римских стоиков, Послания Апостола Павла, сочинения авторов раннехристианской эпохи и раннего протестантизма, современные научные исследования, отечественные и зарубежные, посвященные анализу воззрений римских стоиков, первых христиан, Посланий Апостола Павла, представителей Восточной и Западной христианских церквей Средневековья; труды, анализирующие взаимопроникновение стоицизма и христианства. Автор опирался на цивилизационный и диалектический подходы, использовал методы: нарративный, герменевтический в сочетании с лингвистическим, аналитический, синтетический, обобщения, реконструкции, сравнительно-исторический.

Результаты исследования. В результате проделанной работы было установлено, что базовые теологические, антропологические, аксиологические и этические идеи римских стоиков и христиан (сущность человека, жизненный путь и экзистенциальные смыслы, эсхатологическая перспектива, нравственные установки) формировались в результате взаимного влияния. Стоицизм сыграл огромную роль в становлении христианской доктрины, активно влиял на отцов-аскетов раннехристианской Восточной церкви и средневекового западного христианства, на молодой протестантизм XVI столетия. Стоики в свою очередь в своей философии опирались на христианскую мудрость.

Обсуждение и заключение. Автору удалось осуществить компаративный анализ стоических и христианских доктрин. Исследование показало: духовное родство и взаимное влияние римского стоицизма и христианства свидетельствует об иллюзорности границы, разделяющей эллинистическую и христианскую метатрадиции. Практика когнитивной терапии, направленная на обретение экзистенциальных смыслов и внутренней гармонии, разработанная римскими стоиками и отцами-аскетами Восточной христианской церкви; вечные этические принципы стоицизма и христианства актуальны в современную эпоху нравственной деградации и смысловой дезориентации.

Ключевые слова: теология, антропология, аксиология, этика, римский стоицизм, христианство, практика когнитивной терапии, экзистенциальный смысл

Для цитирования: Парилов О. В. Генезис христианских и стоических доктрин как результат взаимного влияния // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 4. С. 13. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-13.

THE GENESIS OF CHRISTIAN AND STOIC DOCTRINES AS A RESULT OF MUTUAL INFLUENCE

O. V. Parilov^{1,2}

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The article is devoted to the study of the relationship and mutual influence of theological, anthropological, ethical views of Roman Stoicism and Christianity. The purpose of this work is to conduct a comparative analysis of late Stoic and Christian theology, anthropology, ethics and to demonstrate their relationship and relevance in the modern era.

Materials and methods. The research material was the works of Plato and the Roman Stoics, the Epistles of the Apostle Paul, the writings of authors of the early Christian era and early Protestantism, modern scientific research, domestic and foreign, devoted to the analysis of the views of the Roman Stoics, the first Christians, the Epistles of the Apostle Paul, representatives of the Eastern and Western Christian churches of the Middle Ages; works, analyzing the interpenetration of Stoicism and Christianity. The author relied on the civilizational and dialectical approaches, used the following methods: narrative, hermeneutic in combination with linguistic, analytical, synthetic, generalization, reconstruction, comparative-historical.

Results. As a result of the work done, it was established that the basic theological, anthropological, axiological and ethical ideas of the Roman Stoics and Christians (the essence of man, the path of life and existential meanings, eschatological perspective, moral principles) were formed as a result of mutual influence. Stoicism played a huge role in the formation of Christian doctrine, actively influenced the ascetic fathers of the early Christian Eastern Church and medieval Western Christianity, and the young Protestantism of the 16th century. The Stoics, in turn, relied on Christian wisdom in their philosophy.

Discussion and conclusions. The author managed to carry out a comparative analysis of Stoic and Christian doctrines. The study showed that the spiritual kinship and mutual influence of Roman Stoicism and Christianity testifies to the illusory nature of the border separating the Hellenistic and Christian metatradsitions. The practice of cognitive therapy aimed at finding existential meanings and inner harmony, developed by the Roman Stoics and the ascetic fathers of the Eastern Christian Church; the eternal ethical principles of Stoicism and Christianity are relevant in the modern era of moral degradation and semantic disorientation.

Keywords: theology, anthropology, axiology, ethics, Roman Stoicism, Christianity, practice of cognitive therapy, existential meaning

For citation: Parilov O. V. The genesis of christian and stoic doctrines as a result of mutual influence // Vestnik of Minin University. 2025. Vol. 13, no. 4. P. 13. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-13.

Введение

Цель статьи – исследовать генезис римского стоицизма и христианских концепций как результат их взаимного влияния. Данная цель детерминирует и теоретическую значимость статьи. Вопрос восприятия христианскими авторами теологических, антропологических, этических установок римских стоиков: Эпиктета, Сенеки, Марка Аврелия – достаточно рассмотрен в научной литературе (преимущественно западноевропейской), однако проблема коэволюции, взаимодействия и взаимного влияния доктрин рассмотрен недостаточно и, более того, до настоящего времени вызывает ожесточенные споры в научной среде. Исследование направлено на демонстрацию того, что в лице римских стоиков, Апостола Павла и святых отцов раннехристианской Восточной церкви: Антония Великого, Евагрия Понтийского и Иоанна Лествичника – мы наблюдаем взаимопроникновение эллинизма и христианства, иллюзорность границы, разделяющей эти метатрадиции. Средоточием взаимопроникновения эллинизма и христианства выступают Послания Апостола Павла. Результатом взаимного влияния являются общие идеи о гармоничном сочетании Божественной воли и человеческой свободы, холизма и трёхчастности человеческой природы, личного бессмертия. Апостольские и святоотеческие этические установки детально совпадают с этическим корпусом стоиков в апологетике деятельной любви и снисходительности, мужества и скромности, аскетизма, необходимости постоянной работы над самосовершенствованием, терпения и борьбы со страстями. Общим для стоиков и христиан является утверждение веры, надежды и любви как высших добродетелей. Практическая значимость исследования обусловлена актуализацией когнитивной терапии, разработанной римскими стоиками и интерпретированной в христианском ключе святыми отцами Восточной церкви. Данная терапия направлена на достижение внутренней гармонии и счастья, согласия с самим собой, с внешним миром и с Богом, обретения экзистенциальных смыслов бытия. Это особенно важно в современную эпоху телесологической дезориентации в контексте утверждения в мире деструктивных постмодернистских установок. Непреходящее практическое значение имеют и вечные этические константы, транслируемые римскими стоиками и раннехристианскими авторами, особенно они значимы в нынешнее время тотальной деморализации.

Обзор литературы

В своем исследовании мы, прежде всего, опирались на первоисточники. В орбиту исследования включены отечественные и зарубежные авторитетные работы, посвященные философии римского стоицизма в различных аспектах, в которых нашли отражение: общие мировоззренческие установки римских стоиков [см.: 20], политico-экономическая интерпретация стоицизма [см.: 22; 23], диалектика императивности и свободы [см.: 2], актуальность стоической философии в современном дискурсе [см.: 8; 9; 17].

Следующий блок сочинений посвящен анализу древнехристианской мудрости: Тертуллиана [см.: 6], практики когнитивной терапии первых христиан [см.: 37], образа императора в христианской апологетической литературе [см.: 4], темы мучеников первохристианской церкви и трактовки свободы воли ранними христианами [см.: 28].

Большое внимание уделено критической литературе, посвящённой Посланиям Апостола Павла – трактовке Апостолом социального расслоения [см.: 3], космологии и персоналистике Св. Павла [см.: 30].

Задействован корпус источников, посвящённых анализу аскетических сочинений отцов раннехристианской Восточной церкви: общим мировоззренческим установкам представителей западноевропейского Средневековья [см.: 10; 32], аскетической практике Евагрия Понтийского [см.: 27; 31], преподобного Иоанна Лествичника [см.: 15], представителей византийского исихазма [см.: 18], мировоззрению христианских философов западноевропейского Средневековья [см.: 10; 32].

Наконец, основное внимание уделено блоку источников, посвящённых взаимосвязи стоицизма и христианства: генезису стоической традиции от античности до раннего Средневековья [см.: 26], стоической и христианской этике [см.: 24], рассмотрению эмоциональной сферы в античной и средневековой христианской философии [см.: 33], стоическим корням христианского аскетизма [см.: 34], когнитивной терапии в стоицизме и христианстве [см.: 35], отношению Сенеки к христианству [см.: 14; 16], христианским интерпретациям сочинений Эпиктета [см.: 21]. Ряд источников посвящён теме «стоицизм и послания Апостола Павла»: Павел и стоики [см.: 29], стоическая философия как ключ к этике Святого Апостола Павла [см.: 36], взаимосвязь паулистской теологии и стоической философии [см.: 25].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили первоисточники: ключевые работы представителей эллинизма: Платона [см.: 11], римских стоиков – Эпиктета [см.: 19], Марка Аврелия [см.: 7]; Послания Апостола Павла; сочинения аскетов раннехристианской Восточной церкви: Антония Великого [см.: 13], Иоанна Лествичника [см.: 12]; труды наиболее яркого представителя западноевропейской христианской философии Средневековья Блаженного Августина [см.: 1]; родоначальника европейского протестантизма Мартина Лютера [см.: 5]. В числе материалов – также современные научные исследования, отечественные и зарубежные, посвященные анализу мировоззренческих установок римских стоиков, древнехристианской мудрости, Посланий Апостола Павла, сочинений отцов-аскетов раннехристианской Восточной церкви и христианских философов западноевропейского Средневековья. Основной материал составили научные источники, посвящённые рассмотрению взаимосвязи стоицизма и христианства, в частности, взаимопроникновению стоической философии и паулизма.

Методологическим фундаментом исследования выступил синтез цивилизационного подхода к истории и диалектических связей, являющихся объективным условием общественного развития. Автор использовал нарративный метод, который базируется на восприятии сопоставляемых христианских и стоических мировоззренческих установок в качестве нарративов, рожденных их жизненным практическим опытом. Применены методы: герменевтический в сочетании с лингвистическим (авторский перевод и интерпретация иноязычных текстов), аналитический, синтетический, метод обобщения. Использованы

частно-научные методы: реконструкции философских воззрений стоиков и христианских авторов, сравнительно-исторический.

Результаты исследования

Генезис христианских доктрин необходимо рассматривать в контексте теологических, антропологических и этических воззрений стоиков. Исследуя проблему, мы должны говорить, прежде всего, о позднем – Римском – стоицизме, наиболее яркие представители которого: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий – жили и творили в I и II веках н. э., то есть в эпоху становления раннего христианства. Римская Столя проявляла огромный интерес к этической проблематике и была особенно сосредоточена на вопросах практической реализации нравственных установок.

Вопрос влияния христианства на стоическую мысль исследовался многими, как отечественными, так и европейскими, авторами, но степень этого влияния оценивается по-разному. Мы полагаем, что оно было значительным и взаимным, двусторонним. То есть необходимо говорить как о восприятии (подчас, бессознательном) римскими стоиками христианских установок, так и об огромном воздействии стоицизма на становление христианской мысли. Последнее обусловлено как мировоззренчески, так и социально-исторически. Христиане I – II века свято верили в то, что Царство Божье наступит еще при их жизни, и своё призвание они видели в том, чтобы способствовать скорейшему его наступлению. В их мировоззрении соединились две базовые установки: «Да приидет Царствие Твое...на земле, как на небе» (Лк. 11: 2) и «Вера без дел мертвa» (Иак. 2: 17). Эта установка объясняет пietет ранних христиан к императору Марку Аврелию, в котором они видели, во-первых, праведника, во-вторых, устроителя Божьего царства справедливости на земле. Парадокс! Император гнал христиан, не скрывал своего негативного отношения к ним как к суеверным фанатикам, а те (Епископ Мелитон из Сард, Афинагор Афинский, Тертуллиан) считали его своим, философом-гуманистом, покровителем христиан [см.: 4; 6].

То, что уже в I столетии происходит значительное влияние стоицизма на христианство, свидетельствуют послания апостола Павла. Он был из Тарса, а этот город в то время являлся признанным центром стоической философии. Некоторые исследователи предполагают, что проповедь Павла к афинянам в Ареопаге (Деян.: 17) может быть цитатой из гимна Зевсу, написанного стоиком Клеанфом [см.: 24]. На наш взгляд, Апостол Павел является средоточием взаимного влияния позднего стоицизма и христианства. R. Bultmann утверждал, что Св. Павел во многом опирался на стоиков, особенно в утверждении моральных установок, хотя некоторые христианские учёные Запада отреагировали на эту идею негативно, якобы, подход R. Bultmann ставит под сомнение уникальность христианского Евангелия [25, р. 10-12].

Хотя вопрос о прямом влиянии стоиков на Павла остаётся неясным, как справедливо пишет Elizabeth Cochran [см.: 24], некоторые современные библеисты утверждают, что сравнение посланий Павла со стоическими писаниями поучительно для толкования посланий Павла просто потому, что стоики важны для прояснения культурно-исторического контекста, в котором были написаны эти послания. Кроме того, вероятно, первоначальная аудитория посланий была знакома со стоическими идеями.

R. M. Thorsteinsson утверждает, что учение о морали Св. Павла в Послании к Римлянам 12–15 интерпретируется также в контексте этики римских стоиков. В частности, Павел использует специфическую стоическую терминологию, посредством которой описывает отношения человека с Богом и пути, которыми люди наилучшим образом служат Богу через

стремление к благу, через согласование своего разума с Божиим. Акцент Павла на потребностях общества в целом также соответствует интересу стоиков к «социальному измерению этики», проявляющемуся в таких добродетелях, как *humanitas* и *clementia* [см.: 36, р. 23-28]. Апелляция к этим стоическим идеям и использование специфической стоической терминологии было необходимо для того, чтобы Ап. Павел был понят римской аудиторией, ориентирующейся в стоической мысли.

Т. А. Brookins утверждает, что идеи, изложенные Св. Павлом в 1-м Послании к Коринфянам, истолковываются в контексте стоицизма: «Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1Кор.1:19-20). Коринфские «мудрецы», упоминаемые в этой части Послания, и есть стоики. Т. А. Brookins утверждает, что Павел в Послании открыто использует философские аргументы стоиков, такие как взгляд стоиков на «знание» и «немощь», стоическое понимание свободы, чтобы привлечь эту аудиторию и бросить ей вызов [см.: 23], критикуя мудрость мира сего, которую «ищут эллины» (1Кор.1:19-20), и противопоставляя ей веру в Христа распятого, Божью силу и Божью премудрость.

Как верно отмечает Elizabeth Cochran [см.: 24], большая роль в подробном рассмотрении возможных связей между учением Апостола Павла и стоической мыслью принадлежит современному библеисту T. Engberg-Pedersen. В своей работе «Cosmology and the Self in the Apostle Paul: The Material Spirit» он не утверждает наверняка, что стоики повлияли на Павла, но тем не менее исследователь убежден, что стоицизм, несомненно, «занимал центральное место в философской среде, в которой писал Св. Павел» [30, р. 19]. Поэтому, как поясняет ученый, чтение Павла в диалоге со стоиками помогает понять тексты Апостола [см.: 29]. Исследователь указывает на точки соприкосновения между философией стоиков и этическими воззрениями Павла. Например, он предлагает развернутое сравнение между рассуждениями Эпиктета и Апостола о божественной и человеческой свободе и свободе воли, утверждая, что оба автора рассматривают отношение между божественной волей и человеческой свободой в духе конгениального христианству принципа провиденциализма. Данный принцип, трактующий взаимную направленность человеческой и Божественной воли, противоречит идее автономной воли человека. Как для Павла, так и для стоиков, справедливо утверждает ученый, «люди испытывают подлинную свободу, сначала приходя к пониманию мира как управляемого божественным провидением, а затем воплощая модель деятельности, созвучную этому провидению» [30, р. 108].

T. Engberg-Pedersen демонстрирует, как взаимодействие со стоиками помогает пролить свет на тексты Ап. Павла. Сходства и различия между взглядами Св. Павла и стоиков помогают исследователю понять этику, которую Павел развивает в своих посланиях. Детально сравнивая труды Эпиктета (который немного моложе Павла, но жил в одно с ним время) с посланиями Павла, библеист устанавливает важное отличие Павла от Эпиктета: Апостол утверждает «непостижимость Бога разумом, богопознание – дело откровения. Только посредством откровения возможно постичь непостижимое разумом, в частности, способность Бога создавать жизнь из смерти – эта тема чужда греческой мудрости» [30, р. 134-135]. Но есть и то, в чем солидарны Эпиктет и Ап. Павел: оба понимают человеческую деятельность схожим образом, как основанную на познании, достижении Божьего промысла и соединении с Богом. Более того, когда мудрец-стоик (через разум) или христианин (через разум и откровение) приходят к познанию Бога, это знание имеет характер подлинной мудрости [30, р. 136-137]. Заслуживает в данном контексте внимания и теология Эпиктета, также конгениальная христианству. Эпиктет описывает провиденциальный надзор Бога за миром таким образом,

что Бог представляется разумным и благим, и, что не свойственно стоикам, трактует Бога как глубоко заинтересованного в деталях мира. Бог в его понимании – «создатель, отец и опекатель» людей [19, I.9]. Используя язык симпатии, он описывает глубину Божьего промысла. Философ утверждает глубокую «внутреннюю» связь материального мира с духовным, а человеческие души настолько тесно связаны с Богом, что являются «частицами и сколками Еgo»; Бог ощущает «каждое их движение» [19, I.14] – это персоналистичное восприятие Бога также христианское по сути, а не стоическое.

Мы не случайно определили Ап. Павла как ключевую фигуру *взаимного* влияния римского стоицизма и христианства. Рассмотрев сходство взглядов Апостола со взглядами его современника Эпиктета, мы можем убедиться в том, как эти христианские по сути воззрения проявились во взглядах Марка Аврелия, жившего на полвека позже Св. Павла, то есть в данном случае мы говорим о возможном влиянии Ап. Павла на римского стоика. Центральные философские установки Марка Аврелия являются по сути христианскими, в частности, антропологический монотеизм (Бога философ на троне понимает как Того, Кто живёт в человеческой душе и говорит голосом совести); холизм, трисоставность и богоподобие человека, утверждение внутренней духовной свободы; тема христианского провинциализма (жизнь человеческую философ рассматривает в контексте взаимодействия Божественной воли и свободной воли человека, базирующейся на категориях нравственности, справедливости, истины). Аутентична христианству и утверждаемая мыслителем идея необходимости деятельности гражданского служения. В конце жизни Марк Аврелий постигает христианскую идею необходимости личного бессмертия, воспринимая смерть как космическую несообразность: «Как это случилось, что боги, устроившие все так прекрасно и с такой любовью к людям, просмотрели только ту несообразность, что люди вполне достойные ... после смерти не возрождаются к новой жизни» [7, XII, 5]. Кроме того, обращает на себя внимание совпадение этических кодексов Марка Аврелия и Апостола Павла. Философ, по сути, утверждает те же добродетели, что и Святой Павел: деятельность любовь к людям, снисходительность и добросердечие, мужество и скромность, умение довольствоваться малым, постоянную работу над собой, конгениальную призыву Апостола Павла «возрастать в мужа совершенного» (Еф. 4: 13); борьбу со страстями, терпение. Особенно актуальны для Марка Аврелия ключевые христианские добродетели веры, надежды, любви: «Исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей» [7, I, 14]. Мыслитель буквально воспроизводит призыв Христа тайного благотворения, любви к личным врагам и прощения их: «Что сделает тебе разнужданный насильник, если ты останешься ... благожелательным к нему» [7, XI, 18]. Эти установки отнюдь не эллинистические, а прямо христианские.

Как верно пишет E. V. Arnold, в середине II столетия стоики массово обращаются в христианство, не только проявляя преданность церкви, но и формируя христианскую доктрину, поскольку, отмечает E. V. Arnold, входят в церковь в качестве учителей: «as teachers also» [20, p. 410], что позволило исследователю определить стоицизм в качестве корня христианства – «root of Christianity» [20, p. 410]. Стоицизм, следовательно, стал частью христианского послания.

Во всяком случае, очевидно, что стоицизм во многом формировал интеллектуальный климат, в котором творили христианские авторы. Ко второму веку писатели часто использовали стоические сочинения. Так, греческие и латинские христианские авторы, принадлежащие монашеской традиции, активно адаптировали «Энхиридион» Эпиктета, в чем усматривается «преданность стоическим идеям» [21, p. 14]. Причем, как справедливо утверждает E. A. Cochran, они адаптировали «Энхиридион» трижды. Две из четырех рукописей (одна ложно

приписывается Нилу Анкирскому, другая обнаружена в Ватиканском сборнике) не внесли существенных изменений в первоначальный текст «Энхиридиона». Третья, «Христианский парафраз», трансформировала «Энхиридион» более существенно [см.: 24].

Стоическое понимание ἀπάθεια также повлияло на греческую монашескую раннехристианскую традицию. М. Mueller, определяя взгляды Антония Великого как христианский вариант когнитивной терапии, справедливо возводит эту духовную практику к Эпиктету [34, р. 62]. Христианско-аскетическая идея борьбы со страстями, стойкого перенесения лишений в условиях гонений базируется на стоической ἀπάθεια [28, р. 176]. Еще один раннехристианский аскет Иоанн Лествичник трактует бесстрастие в качестве важнейшей добродетели и в этом также опирается на стоическую идею ἀπάθεια [см.: 8]. Но что касается методики достижения состояния бесстрастия, Иоанн Синайский, в отличие от римских стоиков, «не делает из разума идола» [37, р. 60].

Аскетические сочинения Евагрия Понтийского являются хрестоматийным примером влияния стоицизма. Подобно стоикам, представитель Александрийской школы Евагрий этическую сферу ставит в зависимость от когнитивной: умственной сфере принадлежит роль контролера над страстями. На этой идеи базируется «практика когнитивной терапии» [34, р. 62], и Евагрий Понтийский первым разрабатывает ее систематическую методологию, категоризируя и ранжируя инфернальные по своей природе помыслы и методы их преодоления. R. Sorabji, S. Knuutila [см.: 33; 35] считают, что именно стоики в основном повлияли на трактовку Евагрием ментальных представлений; K. Corrigan, K. Gibbons [см.: 27; 31] утверждают, что теория Евагрия – скорее платоновская, чем стоическая. Но мы считаем, что здесь нет никакого противоречия. В данном случае имеет место взаимное влияние трех школ: сначала римские стоики воспринимают платонические идеи, а затем эти идеи адаптируются раннехристианскими авторами. Впрочем, и платонизм, и римский стоицизм одновременно могли выступать базисом христианской аскетической мысли. Теологических, антропологических идей, общих для христианства, римского стоицизма и платонизма, достаточно. Яркий пример подобной фундаментальной идеи, общей для платонизма, стоицизма и христианства, – идея трехсоставной природы человека: дух (*πνεύμα, spiritus*), душа (*ψυχή, anima*) и тело (*σῶμα, corpus*). Представители всех трёх школ не отождествляли дух и душу, считали, что дух – это божественная часть в человеке, и представлена она умом. Как пишет Святой Антоний, «ум является даром Божиим, спасающим душу, течёт впереди души и позволяет возлюбить блага вечные, созерцать небесное» [13, § 117]. Если ум – дух, Божественный, то тело, по убеждению представителей платонизма, стоицизма и отцов ранней Восточной церкви, роднит человека с животным. Если душа руководима телом, пишет Св. Антоний, то человек погибает. Тело без души «мертво», а «душа без ума бесплодна и бездейственна» [13, § 131]. Аналогичные взгляды на природу человека мы видим у Эпиктета: «Тело, что представляет в нас общность с животными (*τὸ σῶμα μὲν κοινὸν πρὸς τὰ ζῷα*), разум и мысль (*ό λόγος … καὶ ἡ γνώμη*), что представляет в нас общность с богами (*κοινὸν πρὸς τοὺς θεούς*)» [19, I: 3.3]. Также и у Платона: путь «бессмертный души» – стать «как можно разумнее», то есть руководствоваться духом. Разумная и умеренная душа «послушно следует за вожатым» – духом; руководимая телом, «много страдает» [11, т. 2, 107с-108с].

Это принижение Св. Антонием плоти, телесной природы как раз конгениально платонизму и стоицизму, отнюдь не традиционному христианству, считающему, что человек в целом (в том числе и телесно), как творение Божье, божествен по своему происхождению.

Средневековые западнохристианские авторы также находили точки соприкосновения между стоицизмом и христианством [см.: 10]. Они предполагали, что стоики (Марк Аврелий,

Сенека), скорее всего, черпали свою мудрость из Священных Писаний, именно в этом контексте они называли Сенеку «мудрецом» [см.: 26, vol. 1, p. 15-17].

Выше мы продемонстрировали связь воззрений Марка Аврелия с христианством. Что касается влияния христианства на Сенеку, этот вопрос был предметом ожесточенных споров на протяжении XIX – XX веков и до сих пор окончательно не решен. В IV веке возникает легенда о, якобы, бывшей переписке между Ап. Павлом и Сенекой. Амедей Флери в середине XIX столетия, исходя из этого сюжета, делает вывод о том, что Сенека принял христианство под влиянием этой переписки, хотя, как пишет Е. Cochran, еще в XVI столетии Эразм Роттердамский опроверг факт переписки [24, p. 10]. А. И. Садов, комментируя исследование Von Johannes Kreyher «*L. Annalus Seneca und seine Beziehungen zum Urchristenthum*», приводит вполне аргументированные выводы немецкого исследователя о личном знакомстве Сенеки с Ап. Павлом и о влиянии христианства на мировоззрение Сенеки. О таком влиянии, в частности, свидетельствуют: монотеизм Сенеки, трактовка им Бога как Духа, первопричину и Творца всего сущего, вера Сенеки в сотворенных Богом ангелов – слуг Божьего царства. Аутентичны христианству взгляды римского мыслителя на миротворение, мироправление, пророчество, повреждённость человеческой природы, вера в личное бессмертие. Не по отдельности, а вместе взятые суждения мыслителя красноречиво свидетельствуют о влиянии на римского философа христианства [14, с. 460]. Кроме того, обращают на себя внимание евангельские аллюзии, встречающиеся в сочинениях Сенеки, а именно, упоминание об ударах по щекам и о крестной смерти и воскресении мудреца [14, с. 461]. Немецкий автор также говорит о многочисленных изречениях стоика, в которых используется специфическая новозаветная терминология. Приводит германский исследователь и исторические факты, которые могут указывать на то, что Сенека и Апостол Павел знали друг друга. Так, вполне возможно, что философ входил в число слушателей Апостола Павла во время его проповеди в Риме. Проанализировав Послание к Филиппийцам, исследователь пришёл к выводу, что Сенека, использовав административный ресурс, смягчил участь Святого Павла в заключении [14, с. 461]. Философ мог знать апостола и через своего брата – добросердечного проконсула Ахая Галлиона, который принял деятельное участие в судьбе Павла – защитил его от иудеев, требующих суда над Апостолом за его проповедь Христа (Деян. 18: 12-17). В свою очередь Б. Бауэр в сочинении «Христос и Цезари» утверждал, что, наоборот, Апостол Павел подражал Сенеке [14, с. 461].

В целом спектр суждений о возможной связи Сенеки с христианством чрезвычайно широк: от утверждения философа в качестве христианского автора (Флери) до полного отрицания влияния христианства на Сенеку. Так, в своём фундаментальном исследовании В. Фаминский безапелляционно утверждает, что свои возвышенные идеи в теологии и этике Сенека высказывал под влиянием своих предшественников и собственного высокоразвитого нравственного чувства, а не христианства. Исследователь пишет, что эклектичность Сенеки объясняется не противоречивым влиянием языческого эллинизма и христианства, а разнообразными влияниями различных античных школ, из которых философ-стоик черпал мудрость. Аутентичные для христианства теплота и сердечность сочинений Сенеки, близость транслируемых им этических принципов к жизни обусловлены отнюдь не христианским влиянием, а восторженным характером мыслителя и тем, что свои сочинения он адресовал близким ему людям. Правда, и этот скептически настроенный исследователь делает оговорку, что стоический философ неосознанно чувствовал тягу к подлинной христианской истине и, движимый этим чувством, также неосознанно транслировал близкие христианству идеи [см.: 16, с. 475-479]. Таким образом, повторим, проблема «Сенека и христианство» еще далека

от окончательного разрешения, несмотря на почти двухвековой спор на эту тему в научной среде.

Что касается дальнейшего влияния стоической мысли на христианство, иногда латинские авторы принимали отдельные утверждения стоиков, но стремились «христианизовать» их или использовать в качестве конструктивных инструментов для формулирования и защиты христианского учения. В других случаях эти авторы находили многое в стоицизме противоречащим христианскому учению. M. L. Colish в своем исследовании взаимного влияния раннехристианских богословов и стоиков признаёт, что даже один и тот же христианский автор высказывает полярные суждения о взглядах стоиков; воспринимает стоические идеи и критикует представителей этой эллинской школы [26, vol. 2, p. 4-7]. Примером может служить Блаженный Августин. Хорошо знавший сочинения стоиков на греческом и латинском языках, уважая классическую традицию, Августин интерпретирует стоиков как в позитивном, так и в негативном ключе, воспринимает без изменения одни идеи, отвергает другие и переосмысливает третью [26, vol. 2, p. 209]. Его оценка отдельных стоических взглядов трансформируется со временем [см.: 32], но сложный характер его отношения к стоикам очевиден даже в отдельных текстах. Например, в «О граде Божьем» Августин критикует стоическое описание судьбы в книге V, но одновременно ценит способы, которыми эта судьба распознаёт провиденциальный порядок благого Бога, действующего в мире. В книге IX он представляет отдельные положения стоической этики в довольно позитивном свете. В книге XIV он выражает согласие с существенными положениями стоической этики, такими как взгляд на добродетель как на высшее благо и соответствие добродетели разуму, но в конечном счёте рассматривает стоическую доктрину как выражение земного града [см.: 22]. В противовес Тертуллиану, Блаженный Августин трактует Марка Аврелия как императора – гонителя христиан [1, т. 1, 18.52]. Но при этом мы видим идейную преемственность средневекового христианского мыслителя со стоическим философом: общим является подход к поиску истины посредством самопознания, путем исследования глубин собственного духа («Наедине с собой» как прообраз «Исповеди»); дихотомия града земного / града Божьего Блаженного Августина также базируется на идее философа на троне: как Римский гражданин, человек выступает гражданином града земного, как проводник божественного закона, он – представитель Высшего Града [7, IX, 16].

Всплеск интереса к римскому стоицизму на Западе приходится на XVI столетие; стоики были переведены на латынь, их сочинения стали достоянием интеллектуальной европейской элиты. Как раз в это время происходит реформация в Церкви. Стоики оказали большое влияние на христианскую доктрину протестантизма. Протестантское восприятие веры конгениально стоической трактовке блага.

Стоики воспринимали добродетель как единое, единственное и преобразующее благо; добродетели объединены таким образом, что обладание одной добродетелью влечёт за собой обладание всеми добродетелями, и, что ещё более важно, добродетели системно взаимосвязаны. Таким образом, добродетель в их понимании – единственное подлинное «благо», качественно отличающееся от мнимой ценности других вещей. Будучи единственным истинным благом, только добродетель необходима для счастья, считали они [см.: 24]. Подобно той уникальной ценности, которую стоики приписывали добродетели, первые протестанты аналогичную уникальную ценность в христианской жизни приписывали вере. Как и стоическая добродетель, вера имеет такую же моральную ценность, отличающую ее от всех других благ и делающую ее достаточной для спасения. В работе «Свобода христианина» М. Лютер представляет веру как уникальное благое качество, от которого

зависят все остальные блага: «Кто имеет веру, тот будет иметь все, а кто не имеет веры, тот не будет иметь ничего» [5]. Как и добродетель у стоиков, вера у протестантов – самоценное преобразующее человека качество – «действительно обладает качествами добродетели: вера – это склонность, которая формирует наш характер и сохраняется во времени, и она необходима для человеческого благополучия, поскольку является адекватным ответом на любовь и доброту, проявленные нашим Создателем» [24, р. 15].

Обсуждение и заключения

Теологические, антропологические, этические воззрения римских стоиков: Эпиктета, Сенеки, Марка Аврелия – красноречиво свидетельствуют о встрече на пространстве истории эллинизма и христианства, о духовном родстве и несомненном взаимном влиянии римо-стоеческой и христианской доктрин. Стоики, отчасти неосознанно, испытывали на себе влияние молодого христианства и, в свою очередь, сыграли заметную роль в генезисе апостольской, восточно-аскетической, средневековой западной, западно-протестантской концепций. И сегодня непреходящую ценность, большое практическое значение имеет разработанная на базе стоической *ἀλάθεια* отцами восточно-христианской церкви духовная практика когнитивной терапии, позволяющая продуктивно менять свою жизнь, достигать внутренней гармонии и счастья, стойко преодолевать невзгоды и искоренять страсти. Активное влияние стоицизма на христианскую традицию прослеживается как минимум до XVI столетия. Молодой протестантизм, утверждая веру как высшую духовную силу, необходимую и достаточную для спасения, самоценное преобразующее человека качество, вдохновлялся стоической абсолютизацией добродетели, по убеждению стоиков, необходимой и достаточной для полноты экзистенциального бытия.

Христианские трактовки стоицизма отличались вариативностью, зачастую были критичными, их подлинность часто подвергалась сомнению. Но значимость стоицизма для христианства обусловлена тем постоянством, с которым христианские авторы обращались к стоикам, в апологетическом ли, в критическом ли контексте – не столь важно.

Список использованных источников

1. Блаженный Августин. Творения в 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 1. 742 с.
2. Губарь О. М., Емец И. А. Диалектика императивности и свободы в философии стоицизма // Научный аспект. 2023. Т. 3, № 12. С. 286-292.
3. Кривеньков И. В. Проблемы социальных расслоений в посланиях Апостола Павла // Межрегиональные Пименовские чтения. 2023. № 20. С. 256-261.
4. Лебедев П. Н. «*Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutes*»: образ императора в христианской апологетической литературе II–III вв. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 10-1 (31). С. 31-39.
5. Лютер М. О свободе христианина. Уфа: ARC, 2013. 728 с. URL: <https://soteria.ru/s3562/3/> (дата обращения: 16.08.2025).
6. Мазурин К. М. Тертуллиан и его творения. М.: Университетская типография, 1892. 356 с.
7. Марк Аврелий. Наедине с собой / пер. С. Роговин. М.: М. и С. Сабашниковых, 1914. 199 с.
8. Некрасов С. И. Возрождение стоицизма как жизненной философии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 3 (61). С. 126-134.

Philosophy of Religion and Religious Studies

9. Николаева С. Р. Почему философия стоицизма остается актуальной? // Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2023. С. 234-238.
10. Парилов О. В., Собко Р. В. Идейная преемственность В. С. Соловьёва и Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. 2011. № 2 (30). С. 26-32.
11. Платон. Федон // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 7-80.
12. Преп. Иоанн Лествичник. Лествица или Скрижали духовные. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/ (дата обращения: 16.08.2025).
13. Преп. Антоний Великий. О добре нравственности и святой жизни, в 170 главах // Добротолюбие: в 5 т. Изд. 4-е. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. Т. 1. 608 с.
14. Садов А. И. Новое исследование об отношении философа Сенеки к христианству // Христианское чтение. 1887. № 9-10. С. 457-466.
15. Степанова З. В. Восхождение к святости согласно «Лествице» преподобного Иоанна Лествичника и наставлениям преподобного Паисия Святогорца // Humanity space. International almanac. 2024. Vol. 13, no. 9. Pp. 779-790.
16. Фаминский В. Религиозно-нравственные воззрения Л. Аннея Сенеки (философа) и отношение их к христианству. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1906. 496 с.
17. Федота А. А. Стоицизм в современном мире // Культура как субстанция в процессе реформирования и модернизации России: сборник статей по итогам Межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь, 2022. С. 61-64.
18. Чистякова О. В., Чистяков Д. И. Византийский исихазм: светоносность и преображение человека в нетварном свете // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, № 3. С. 431-443.
19. Эпиктет. Беседы. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. 319 с.
20. Arnold E.V. Roman stoicism. London: Cambridge university press, 1911. 468 p.
21. Boter G. The Encheiridion of Epictetus and Its Three Christian Adaptations: Transmission and Critical Edition. Leiden: Brill, 1999. 546 p.
22. Brooke C. Philosophic Pride: Stoicism and Political Thought from Lipsius to Rousseau. Princeton: Princeton University Press, 2012. P. 1-11.
23. Brookins T. A. Corinthian Wisdom, Stoic Philosophy, and the Ancient Economy. New York: Cambridge University Press, 2014. 281 p.
24. Cochran E. A. Stoicism and Christian Ethics // St Andrews Encyclopaedia of Theology / ed. by Brendan N. Wolfe [et al.]. 2022. Available at: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/StoicismandChristianEthics> (accessed: 16.08.2025).
25. Colish M. L. Pauline Theology and Stoic Philosophy: An Historical Study // Journal of the American Academy of Religion. 1979. Vol. 57, no. 1B. Pp. 1-21.
26. Colish M. L. The Stoic Tradition from Antiquity to the Early Middle Ages. 2 vols. Leiden: Brill, 1985. Available at: <https://archive.org/details/stoictraditionfr0000coli> (accessed: 16.08.2025).
27. Corrigan K. Evagrius and Gregory: Mind, Soul, and Body in the 4th Century. Farnham: Ashgate Press, 2009. 245 p.
28. Denzey N. Facing the Beast: Justin, Christian Martyrdom, and Freedom of the Will // Stoicism in Early Christianity / ed. by Tuomas Räsimus, Troels Engberg-Pedersen, and Ismo Dunderberg. Grand Rapids: Baker Academic, 2010. Pp. 176-198.
29. Engberg-Pedersen T. Paul and the Stoics. Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2000. 435 p.

30. Engberg-Pedersen T. Cosmology and the Self in the Apostle Paul: The Material Spirit. New York: Oxford University Press, 2010. 287 p.
31. Gibbons K. Passions, Pleasures and Perceptions: Rethinking Evagrius Ponticus on Mental Representation // Zeitschrift Fur Antikes Christentum. 2015. Vol. 19, no. 2. Pp. 297-330.
32. Gregory E. Politics and the Order of Love: An Augustinian Ethic of Democratic Citizenship. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 434 p.
33. Knuutilla S. Emotions in Ancient and Medieval Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2004. 341 p.
34. Mueller M. The Stoic Roots of Christian Asceticism and Modern Psychotherapy: Similarities and Differences. Minnesota: University of St. Thomas, 2018. 96 p.
35. Sorabji R. Emotion and Peace of Mind: From Stoic Agitation to Christian Temptation. New York: Oxford University Press, 2002. 499 p.
36. Thorsteinsson R.M. Stoicism as a Key to Pauline Ethics in Romans // Stoicism in Early Christianity / ed. by Tuomas Rasimus and Troels Engberg Pedersen. Grand Rapids: Baker Academic, 2010. Pp. 15-38.
37. Trader A. Ancient Christian Wisdom and Aaron Beck's Cognitive Therapy: a Meeting of Minds. New York: American University Studies, 2012. 442 p.

References

1. Blazhennyj Avgustin. Works in 4 volumes. St. Petersburg, Aletejya Publ., Kyiv, UCIMM-Press Publ., 2000. Vol. 1. 742 p. (In Russ.)
2. Gubar' O. M., Emec I. A. The Dialectics of Imperativeness and Freedom in the Philosophy of Stoicism. *Nauchnyj aspect*, 2023, vol. 3, no. 12, pp. 286-292. (In Russ.)
3. Kriven'kov I. V. Problems of Social Stratification in the Epistles of Apostle Paul. *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniya*, 2023, no. 20, pp. 256-261. (In Russ.)
4. Lebedev P. N. "Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutes": The Image of the Emperor in Christian Apologetic Literature of the 2nd–3rd Centuries. *Vestnik RGGU. Seriya: Iстория. Филология. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2017, no. 10-1 (31), pp. 31-39. (In Russ.)
5. Lyuter M. On the Freedom of a Christian. Ufa, ARC Publ., 2013. 728 p. Available at: <https://soteria.ru/s3562/3/> (accessed: 16.08.2025). (In Russ.)
6. Mazurin K. M. Tertullian and His Works. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1892. 356 p. (In Russ.)
7. Mark Avrelij. Alone with Himself / translated by S. Rogovin. Moscow, M. i S. Sabashnikovy, 1914. 199 p. (In Russ.)
8. Nekrasov S. I. The Revival of Stoicism as a Philosophy of Life. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия: Filosofiya*, 2022, no. 3 (61), pp. 126-134. (In Russ.)
9. Nikolaeva S. R. Why does the philosophy of Stoicism remain relevant? *Rossiya i mir v istoricheskoy retrospektive: materialy XXIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, k 320-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga*. St. Petersburg, 2023. Pp. 234-238. (In Russ.)
10. Parilov O. V., Sobko R. V. The ideological continuity of V. S. Solovyov and Joachim of Fiore. *Solov'evskie issledovaniya*, 2011, no. 2 (30), pp. 26-32. (In Russ.)
11. Platon. Phaedo. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* Moscow, Mysl' Publ., 1993. Vol. 2. Pp. 7-80. (In Russ.)
12. Prep. Ioann Lestvichnik. The Ladder or Spiritual Tablets. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/ (accessed: 16.08.2025). (In Russ.)

Philosophy of Religion and Religious Studies

13. Prep. Antonij Velikij. On Good Morality and Holy Life, in 170 Chapters. *Dobrotolyubie: v 5 t. Izd. 4-e.* Moscow, Sretensky Monastery Publishing House, 2010. Vol. 1. 608 p. (In Russ.)
14. Sadov A. I. A New Study on the Attitude of the Philosopher Seneca to Christianity. *Hristianskoe chtenie*, 1887, no. 9-10, pp. 457-466. (In Russ.)
15. Stepanova Z. V. Ascent to Holiness According to the Ladder of St. John Climacus and the Instructions of St. Paisius the Athonite. *Humanity space. International almanac*, 2024, vol. 13, no. 9, pp. 779-790. (In Russ.)
16. Faminskij V. Religious and Moral Views of L. Annaeus Seneca (Philosopher) and Their Relation to Christianity. Kyiv, tip. I.I. Gorbunova Publ., 1906. 496 p. (In Russ.)
17. Fedota A. A. Stoicism in the Modern World. *Kul'tura kak substanciya v processe reformirovaniya i modernizacii Rossii: sbornik statej po itogam Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Stavropol, 2022. Pp. 61-64. (In Russ.)
18. CHistyakova O. V., CHistyakov D. I. Byzantine Hesychasm: Luminosity and Transfiguration of Man in the Uncreated Light. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2024, vol. 40, no. 3, pp. 431-443. (In Russ.)
19. Epiktet. Conversations. Moscow, Nauchno-izdatel'skij centr «Ladomir» Publ., 1997. 319 p. (In Russ.)
20. Arnold E.V. Roman stoicism. London, Cambridge university press, 1911. 468 p.
21. Boter G. The Encheiridion of Epictetus and Its Three Christian Adaptations: Transmission and Critical Edition. Leiden, Brill, 1999. 546 p.
22. Brooke C. Philosophic Pride: Stoicism and Political Thought from Lipsius to Rousseau. Princeton, Princeton University Press, 2012. P. 1-11.
23. Brookins T. A. Corinthian Wisdom, Stoic Philosophy, and the Ancient Economy. New York, Cambridge University Press, 2014. 281 p.
24. Cochran E. A. Stoicism and Christian Ethics. *St Andrews Encyclopaedia of Theology / ed. by Brendan N. Wolfe [et al.]*, 2022. Available at: <https://www.saet.ac.uk/Christianity/StoicismandChristianEthics> (accessed: 16.08.2025).
25. Colish M. L. Pauline Theology and Stoic Philosophy: An Historical Study. *Journal of the American Academy of Religion*, 1979, vol. 57, no. 1B, pp. 1-21.
26. Colish M. L. The Stoic Tradition from Antiquity to the Early Middle Ages. 2 vols. Leiden, Brill, 1985. Available at: <https://archive.org/details/stoictraditionfr0000coli> (accessed: 16.08.2025).
27. Corrigan K. Evagrius and Gregory: Mind, Soul, and Body in the 4th Century. Farnham, Ashgate Press, 2009. 245 p.
28. Denzey N. Facing the Beast: Justin, Christian Martyrdom, and Freedom of the Will. *Stoicism in Early Christianity / ed. by Tuomas Räsimus, Troels Engberg-Pedersen, and Ismo Dunderberg*. Grand Rapids, Baker Academic, 2010. Pp. 176-198.
29. Engberg-Pedersen T. Paul and the Stoics. Louisville, KY, Westminster John Knox Press, 2000. 435 p.
30. Engberg-Pedersen T. Cosmology and the Self in the Apostle Paul: The Material Spirit. New York, Oxford University Press, 2010. 287 p.
31. Gibbons K. Passions, Pleasures and Perceptions: Rethinking Evagrius Ponticus on Mental Representation. *Zeitschrift Fur Antikes Christentum*, 2015, vol. 19, no. 2, pp. 297-330.
32. Gregory E. Politics and the Order of Love: An Augustinian Ethic of Democratic Citizenship. Chicago, University of Chicago Press, 2008. 434 p.
33. Knuutila S. Emotions in Ancient and Medieval Philosophy. Oxford, Oxford University Press, 2004. 341 p.

34. Mueller M. The Stoic Roots of Christian Asceticism and Modern Psychotherapy: Similarities and Differences. Minnesota, University of St. Thomas, 2018. 96 p.
35. Sorabji R. Emotion and Peace of Mind: From Stoic Agitation to Christian Temptation. New York, Oxford University Press, 2002. 499 p.
36. Thorsteinsson R.M. Stoicism as a Key to Pauline Ethics in Romans. *Stoicism in Early Christianity / ed. by Tuomas Rasimus and Troels Engberg Pedersen*. Grand Rapids, Baker Academic, 2010. Pp. 15-38.
37. Trader A. Ancient Christian Wisdom and Aaron Beck's Cognitive Therapy: a Meeting of Minds. New York, American University Studies, 2012. 442 p.

Информация об авторах

Парилов Олег Викторович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация; Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0001-9288-3194, olegparilov@yandex.ru

Information about the authors

Parilov Oleg V. – Doctor of Philosophical Science, Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-9288-3194, olegparilov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 07.10.2025

Принята к публикации: 19.12.2025

Опубликована: 30.12.2025